

© Е. Н. Квилинкова

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ У БАШКИР БЕЛАРУСИ В СВЯЗИ С ПОНЯТИЕМ «РОДНОЙ ЯЗЫК»

В статье исследуются особенности этноязыковой идентичности живущих в Беларуси башкир в связи с понятием «родной язык». В этническом плане они четко идентифицируют себя как башкиры, но часть из них своим родным языком считает татарский. Характерная для башкир диаспоры стратегия адаптации и присущая им особенность этноязыковой идентификации представляет научный интерес. Вместе с тем ввиду малочисленности эта этническая общность до настоящего времени оставалась совершенно неизученной в белорусской этнологии. Зафиксированный у башкир Беларуси способ этноязыковой идентификации квалифицирован автором как «совмещенный». Он является отражением состояния данного вопроса на их этнической родине в период, когда они оттуда уехали. Отмечается, что данная проблема уходит вглубь истории этих народов и является частью этнополитики. На материалах опроса по башкирам Беларуси автор показал, что понятия «родной язык» / «материнский язык» / «этнический язык» не всегда синонимичны, поскольку родной / этнический язык может выступать не в качестве маркера этничности, а как этнокультурный идентификатор. При написании статьи автор основывался на собственных полевых материалах, собранных в 2021–2025 гг. у башкир и татар — уроженцев Башкортостана. Установлено, что в Беларуси, как и за пределами своей этнической родины, башкиры обычно создают татаро-башкирские общественные объединения, что можно рассматривать как этнокультурный феномен. По этой причине, а также ввиду языковой, культурной и религиозной общности, исследование по башкирам Беларуси осуществлялось автором в комплексе с изучением татар диаспоры.

Ключевые слова: башкиры Беларуси, диаспора, родной язык, этноязыковая идентификация

Ссылка при цитировании: Квилинкова Е. Н. Особенности этноязыковой идентификации у башкир Беларуси в связи с понятием «родной язык» // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 48–67.

UDC 316.454.5+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/48-67

Original Article

© Elizaveta Kvilinkova

ETHNOLINGUISTIC IDENTITY OF THE BASHKIRS IN BELARUS: THE CONCEPT OF *MOTHER TONGUE*

The article examines the ethnolinguistic identity of the Bashkirs living in Belarus in connection with the concept of “mother tongue”. While they clearly identify themselves as ethnic Bashkirs, some of them consider Tatar their native language. The adaptation strategies of the Bashkir diaspora and their inherent ethnolinguistic identification are of scientific interest. However, due to their small numbers, this ethnic community has remained completely unstudied in Belarusian ethnology thus far. The author qualifies the method of ethnolinguistic identification among the Bashkirs of Belarus as “combined.” It reflects the situation in their ethnic homeland at the time when they left. This problem is deeply rooted in the history of these peoples and is part of ethnopolitics.

Using survey materials on the Bashkirs of Belarus, the author showed that the concepts of “native language” / “mother tongue” / “ethnic language” are not always synonymous, since the native or ethnic language may not always serve as a marker of ethnicity but rather as an ethnocultural identifier. For this article, the author relied on field materials collected in 2021–2025 among Bashkirs and Tatars — natives of Bashkortostan. It is shown that in Belarus, as well as outside their ethnic homeland, Bashkirs usually establish Tatar-Bashkir connections, which can be considered an ethnocultural phenomenon. For this reason, as well as in view of linguistic, cultural and religious commonality, the author carried out research on the Bashkirs of Belarus in conjunction with the study of the Tatar diaspora.

Keywords: *Bashkirs of Belarus, diaspora, native language, ethnolinguistic identification*

Author Info: Kvilinkova, Elizaveta N. — Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: cvilincova@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

For citation: Kvilinkova, E. N. 2026. Ethnolinguistic Identity of the Bashkirs in Belarus: The Concept of *Mother Tongue*. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 48–67.

О характере этноязыковых процессов в условиях диаспоры

Этническая идентичность тесно связана с языком и традициями предыдущих поколений. Под их воздействием формируется этническая картина мира. Сохранность идентичности у представителей этнических групп, проживающих за пределами этнического ядра, зависит от численности и особенностей расселения, функциональной значимости у них родного языка, а также от типа их семьи (смешанная / мононациональная). При малочисленности и дисперсном проживании сохранение у пред-

ставителей диаспоры языка и этнических особенностей только благодаря семье или общине затрудняется, так как, с одной стороны, отсутствует этноязыковая среда, а с другой — усиливается процесс включения в местное социокультурное пространство. По причине уменьшения и ослабления контактов с этнической Родиной, а также функциональной значимости этнического языка уже у второго поколения мигрантов происходит утрата языка и отдаление от этнической культуры. Соответственно, формы проявления, сохранность и актуальность этнической идентичности у представителей диаспор также различаются в зависимости от поколений переселенцев и степени их интеграции в этнокультурное пространство страны приема. Об этом свидетельствуют результаты этносоциологических исследований, полученные нами при изучении ряда диаспор (*Квилинкова 2021; Квилинкова 2023; Квилинкова 2024*).

Язык — это не только способ коммуникации, но и маркер этнической идентичности. Через него транслируется народная культура и мировоззрение. Родной язык во многом формирует ментальность человека. Понятие «родной язык» трактуется учеными по-разному: одни исследователи рассматривают данное понятие через призму степени владения им («родной язык — это тот, которым человек лучше всего владеет, который он легче всего понимает, на котором свободно излагает свои мысли»); другие — предлагают учитывать время освоения ребенком языка — «первичный язык» и «вторичный язык», что не всегда может указывать на родной язык; третьи — выводят на первое место эмоциональную составляющую родного языка, его воздействие на мыслительный процесс и др. «Родной язык следует определять как язык, который человек постигает одновременно с развитием способности мыслить» (*Фатхутдинова 2011*).

Такое понимание языка соотносится с понятием «материнский язык», так как главную роль в социализации ребенка на первом этапе жизни играет мать. В аналогичном значении учеными используется также термин «этнический язык», под которым понимается родной язык «специфичный для данного этноса» и усвоенный человеком в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте (*Беликов, Крысин 2001: 12*). Однако, как показывают исследования по башкирам, понятия «родной язык» / «материнский язык» / «этнический язык» не всегда синонимичны, поскольку родной язык может выступать не в качестве маркера этничности, а как этнокультурный идентификатор.

В последнее время распространенной является точка зрения о том, что понятие «родной язык» определяется не только этнической принадлежностью и культурной общностью, но и психологическим складом. Отсюда делается вывод, что «“родной язык”, являясь этнопсихологическим признаком, оказывается зависимым от целого ряда признаков. В этом случае сложно выделить один-единственный признак, который бы определил данное понятие. Скорее всего, это должен определить каждый человек для себя сам» (*Фатхутдинова, Сафина 2011: 282–283*).

Об объекте исследования и татаро-башкирском межэтническом взаимодействии

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей этноязыковой идентификации живущих в Беларуси башкир. Башкирская диаспора в Беларуси насчитывает уже целый век. Она малочисленна (по последней переписи населения за 2019 г.

в Республике Беларусь проживало 339 башкир) и для нее характерно дисперсное проживание. Пик численности башкир в республике пришелся на конец 1980-х — начало 1990-х гг., что связано главным образом с отправкой военных в группу советских войск (Польша, Германия и др.), а затем последующим их выводом отсюда. Уже с середины 90-х гг. прошлого века начинается снижение их численности, что вызвано главным образом ремиграцией на родину. У подавляющего большинства живущих в Беларуси башкир национально и конфессионально смешанные браки.

Представители данной этнической общности идентифицируют себя с башкирами и демонстрируют активность в белорусском пространстве (вместе с татарами — выходцами из Башкортостана). Присущие части башкир особенности этноязыковой идентификации, проявляющиеся и сохраняющиеся в условиях диаспоры, а также характерная для них стратегия адаптации, представляет научный интерес. Однако ввиду малочисленности эта этническая общность оставалась совершенно неизученной в белорусской этнологии, что свидетельствует о новизне и актуальности данного исследования.

Для лучшего понимания присущих башкирам особенностей этноязыковой идентификации в связи с понятием «родной язык» и в качестве предыстории вопроса отметим, что в Беларуси башкирская и татарская диаспоры представлены совместно татаро-башкирским общественным объединением «Чишма» (г. Минск) и обществом «Дуслык» (г. Гродно). По этой причине исследование по башкирам Беларуси осуществлялось автором в комплексе с изучением татар диаспоры, тем более что два этих близкородственных народа демонстрируют значительное сходство в языковой, культурной, обрядовой и религиозной областях.

Проведенное нами сравнительное изучение показало, что столь тесное взаимодействие характерно не только для башкир Беларуси, но и для большинства других башкирских диаспор. За пределами своей этнической родины башкиры обычно входят в татарские сообщества, общественные объединения и культурные центры, что можно рассматривать как этнокультурный феномен.

Очевидно, что исторические условия, единая природно-географическая, а также этнокультурная и религиозная среда, в которых протекает жизнедеятельность народов, во многом формируют у них общие традиции, праздники, систему питания, традиционные установки, жизненно значимые ценности, менталитет, что служит основой для тесного межэтнического взаимодействия. По проблеме исторических предпосылок и динамике «татаро-башкирского этносоциального симбиоза», которая является темой отдельного исследования, опубликовано немало научных работ. Отметим, что внутри Волго-Уральской историко-этнографической общности (ИЭО) башкир и татар считают «этническим сочетанием более близкого, чем ИЭО, порядка: они связаны единой верой (ислам ханафитского мазхаба), близостью языков, общими пластами и многочисленными параллелями в культуре. Объединяет эти народы и феномен двойственной этнической идентичности населения в северо-западных районах Башкортостана и ранее — восточных районах Татарстана, переданных Башкирской АССР при создании Татарской АССР (Мензелинском и Бугульминском)» (Бердин 2015).

При написании настоящей статьи автор основывался на собственных полевых материалах, собранных в 2021–2025 гг. у башкир и татар — уроженцев Башкортостана (многие из которых родились в смешанных татаро-башкирских семьях). В ходе исследования использовался метод глубинного автобиографического интервью, который

позволил глубже рассмотреть содержание и особенности протекавших в диаспоре процессов. Всего опрошено 100 респондентов — башкир и татар Беларуси, проживающих в Минске и различных областях Беларуси, из них представителей татаро-башкирской диаспоры первого поколения — 25 человек. Материалы полевых исследований (в тексте — ПМА) впервые вводятся в этой статье в научный оборот. При работе над данной проблемой использовались также статистические данные (переписи населения).

Способы этноязыковой идентификации у башкир Беларуси

В ходе проводимого автором опроса респондентам задавались вопросы, позволяющие установить способы этнической и языковой идентификации: соответствие этнической принадлежности и языка, идентифицируемого как родной (язык своей национальности), восприятие языковой дистанции, степень владения первым и вторым поколениями родным языком, функциональная значимость родного языка и т. д.

Опрошенные нами представители первого поколения башкир Беларуси с гордостью говорят о своей этнической идентичности. Респонденты, выросшие в смешанной татарско-башкирской семье, как правило, идентифицировали себя по паспорту (обычно по отцу) либо по используемому в семье родителей языку.

«Я чистокровная башкирочка и с гордостью несу свою национальность. <...> Мама и папа мои башкиры» (ПМА: А.З.И., г. Молодечно).

«Я — башкирка, и мои родители — башкиры» (ПМА: Р.З.Г., г. Минск).

«Моя мама родом из Казани, а папа — из Башкирии (папа — башкир, мама чистокровная татарка, сам отец везде писался татарин), я — татарка» (ПМА: И.В.А., г. Минск).

Живущие в Беларуси башкиры подчеркивали, что с национальным вопросом они здесь не сталкивались и своей национальности не скрывают.

«Национальный вопрос здесь никогда не чувствовала. Я здесь чужой себя не чувствую. Чувствую себя как белоруска» (ПМА: А.К.А., г. Гродно).

Способ этнической идентификации человека может зависеть и от того, с кем он общается и для кого предназначена эта информация. В таких случаях устный способ самоидентификации, который можно назвать ситуативным, выступает в качестве одной из стратегий адаптации в местное этнокультурное пространство.

Понятие «родной язык» у башкир Беларуси имеет несколько ипостасей — проявлений и сущностей. Он может обозначать как этнический язык, то есть башкирский, так и татарский, а также русский. У респондентов, выросших в смешанных татаро-башкирских семьях, этническая идентичность по вполне понятным причинам не всегда четкая или может меняться в зависимости от того, с кем они общаются или где находятся, а также от языка, который они считают родным.

«Я — татарин. Моя мать — башкирка, а отец — татарин. Родной язык у меня татарский, конечно» (ПМА: Т.А.Г., г. Минск).

«Я родилась в Башкирии в Кушнаренковском районе в 1957 г. Закончила там среднюю школу. <...> По национальной принадлежности мой папа башкир, мама — татарка, а я записана как у нас было принято — башкирка. Раньше

в паспорте так писали. У нас в семье вообще интересная ситуация. Нас в семье [родителей] было четверо детей. Так в свидетельстве моего брата и папа, и мама записаны татарами. Поэтому брат получается татарин, а остальные дети записаны башкирами. Я себя чувствую и татаркой, и башкиркой» (ПМА: Л.Э.А., г. Минск).

«У нас башкирская семья. Я чистая башкирка, мы с мужем оба башкиры. <...> Просто мы говорим не на башкирском языке, а на татарском. Я себя больше ощущаю татаркой, чем башкиркой. Наверное, 50х50. Муж считает себя башкиром, хотя говорит на чисто татарском языке. Мои родители — башкиры, а прабабушки и прадедушки были татарами. Так как я там родилась, то записана башкирка, так и есть — башкирка» (ПМА: А.К.А., г. Гродно).

Зафиксированный нами у башкир Беларуси специфический способ этноязыковой идентификации показал необходимость анализа причин данного явления. Для этого мы обратились к трудам ученых, изучавших эти вопросы в регионе проживания их этнического ядра. В ходе исследования выявилось, что данная ситуация характерна для значительных групп населения северо-запада и запада Башкортостана. Она квалифицируется учеными как отсутствие «достаточно четкого этнического самосознания» и объясняется историческими и этногенетическими процессами, характерными для населения данного региона. Со ссылкой на статистические данные, они утверждают, что на протяжении последних 150 лет в этих регионах республики «фиксировались массовые случаи изменения этнической принадлежности, когда часть татар при проведении очередной переписи записывалась башкирами, а часть башкир — татарами» (М. И. Роднов, А. Д. Коростелев, Д. М. Исхаков, А. А. Выскочил и др.). Это, по их мнению, во многом объясняется тем, что со второй половины XVI в. — начала XVII в. данный регион «являлся зоной активных контактов местного башкирского населения с близкими к ним по языку и культуре татарами. В силу исторических, хозяйственных и других причин с указанного времени и до XIX в. происходил процесс миграции татар в эти регионы. <...> Смешанность башкирского и татарского населения в указанных районах высокая; нередко в одних и тех же семьях родные братья и сестры относят себя то к башкирам, то к татарам» (Выскочил 2003: 90–91). Аналогичные сведения сообщили нам и респонденты.

Родной язык как маркер этничности и этнокультурный идентификатор

В научной литературе отмеченное выше явление обозначается следующими понятиями: «этносоциальный симбиоз» (Бердин 2015), «татаро-башкирская надэтническая общность» (Выскочил 2003: 132) и др. Оно основывается на учете таких факторов как степень близости социальной и культурной дистанции между татарами и башкирами. На основании анализа этих переменных ученые высказывают предположение о том, что «в северо-западном регионе Башкортостана существует так называемая надэтническая (татаро-башкирская) общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку» (Выскочил 2003: 132).

Роль родного языка как одного из важных этнодифференцирующих признаков, позволяющих сохранять этническую идентичность, признается всеми исследователями. Но принципиальным является его место в вопросе формирования этнической идентичности на современном этапе. В качестве этнообразующих признаков одни башкир-

ские ученые в первую очередь выделяют территорию и этногенез (*Буранчин* 2019), а другие — семью и культуру (*Тузбеков* 2008). Это значит, что в вопросе формирования этнической идентичности башкир языку отводится не первое и даже не второе место.

Факт сложного и многоуровневого характера этнической идентичности современных башкир рассматривается учеными как закономерное явление. При этом, высказывается мнение, что «ее многосоставный и иерархичный характер требует постоянной и системной работы по поддержанию и формированию устойчивой, неконфликтующей (внутри себя) национальной идентичности» (*Буранчин* 2019).

Из ответов опрошенных нами респондентов (как башкир, так и татар) следует, что ощущаемая ими близость основывается как на этнокультурной общности на всех уровнях, так и на этногенетической. Важным объединяющим фактором является территориальная или этнорегиональная татаро-башкирская общность, сформировавшаяся в том регионе Башкортостана, откуда многие респонденты родом. Они считают друг друга Своими в полном смысле слова, а имеющиеся незначительные различия в языке, национальных костюмах, танцах воспринимаются ими как не принципиальные.

Еще более сложная этническая идентичность у респондентов-башкир, выросших в смешанной семье на территории одной из республик Средней Азии, куда в свое время переехали их родители.

«Я представитель башкир. <...> В паспорте я записана башкирка. Но не все так просто. Наверное, татарская культура мне ближе. <...> В нашей семье в Узбекистане использовался татарский язык. Я его знаю на 60–70%. Поговорить могу. <...> Наверное, я себя осознаю все-таки башкиркой. Но если исходить из менталитета, то мне жители Средней Азии даже ближе» (ПМА: Г.Ф.Б., г. Гродно).

Респондент из Минской области, родившаяся в одной из граничащих с Башкортостаном российских регионов (Челябинской области) в моноэтнической семье, четко идентифицировала себя как башкирка и родным языком назвала башкирский (которым она, с ее слов, владеет не так свободно, как русским, тем более что с детского возраста живет в Беларуси в смешанной семье). Данный респондент рассматривает собственную этничность как способ самовыразиться, так как в настоящее время для некоторых представителей этнических общностей даже стало «выгодно» манифестировать свои эксклюзивные корни:

«Я поняла, что башкирка — это бренд, который можно и нужно показывать, тем более, если оформить его в красивую обертку» (*Зенько* 2024).

«Здесь я презентую Башкирию и башкирскую национальность» (ПМА: А., г. Молодечно).

Что касается второго поколения башкир, то ввиду того что они родились в смешанных семьях, живут в Беларуси и у них самих смешанные браки, то в основном они идентифицируют себя как белорусы.

«Сын и дочка записаны белорусы в паспорте. И в переписи они записывают себя белорусами. Внуки по национальности — белорусы. У дочки муж — белорус, у сына жена — белоруска» (ПМА: Р.З.Г., г. Минск).

Представители второго поколения, с которыми мы пытались установить связь че-

рез родителей, отказались от опроса и вообще не пошли на контакт. Возможно, при общении некоторые из них устно могут идентифицировать себя как башкиры, о чем в ходе опроса упомянули некоторые родители (ПМА: А.З.И., г. Молодечно).

Вместе с тем очевидным является стремительно протекающий в среде башкир Беларуси процесс естественной ассимиляции. Полная утрата вторым поколением этнического языка (см. ниже) напрямую влияет на процесс этнической самоидентификации.

О многозначности понятия «родной язык» у башкир Беларуси и его функциональной значимости

По данным последней переписи населения Республики Беларусь за 2019 г. из общей численности мужчин и женщин башкирской национальности (всего 339 человек) в качестве родного языка указали язык своей национальности 61 человек, белорусский — 10 человек, русский — 252 человека. Если рассматривать процессы в данной области на уровне городского и сельского населения, то статистика будет следующей: из городского населения (общей численностью 257 человек) в качестве родного языка указали язык своей национальности 47 человек, белорусский — 6 человек, русский — 191 человек. Из сельского населения (общей численностью 82 человека) в качестве родного языка указали язык своей национальности 14 человек, белорусский — 4 человека, русский — 61 человек (Общая численность населения 2020: 32).

Анализ данных по языку, на котором башкиры Беларуси обычно разговаривают дома, свидетельствует об утрате родным языком функциональной значимости ввиду доминирования у башкир смешанных браков. Так, из общего числа живущих в Беларуси башкир (339 человек) в качестве языка, на котором обычно разговаривают дома, указали язык своей национальности (то есть башкирский) — 1 человек, белорусский — 10 человек, русский — 327 человек. Из общей численности живущих в городе башкир (всего 257 человек — мужчин и женщин) в качестве языка, на котором обычно разговаривают дома, указали язык своей национальности — 1 человек, белорусский — 6 человек, русский — 249 человек. Из живущих в сельской местности башкир (всего 82 человека) в качестве языка, на котором обычно разговаривают дома, указали белорусский язык — 4 человека и русский язык — 78 человек. Среди сельского населения на использование дома башкирского языка никто не указал (Общая численность населения 2020: 32–40).

Данные переписи населения относительно родного языка требуют уточнения. Результаты проведенного нами опроса показали, что у части башкир этническая идентичность не всегда совпадает с языковой (о чем говорилось выше). Они идентифицировали себя как башкиры, но в качестве родного языка указали татарский язык, наряду с русским. Для примера приведем два фрагмента из записанных нами интервью с респондентами-башкирами, которые не являются единичными, судя по данным опроса и переписи населения:

«У нас башкирская семья. <...> Дома с мужем мы общаемся на татарском языке. В принципе я могу говорить на башкирском, но мне это не нравится. Татарский язык очень красивый, там все четко выговариваешь, а в башкирском как-то не то, не то. Говорить на башкирском я не люблю. Это не мое» (ПМА: А.К.А., г. Гродно).

«Я чистый башкир, но только по-башкирски не знаю. Там, где я жил, это была башкирская деревня. Но в школе я учился на татарском языке. И там, где жила моя жена, это тоже башкирская деревня» (ПМА: А.Ф.М., г. Гродно).

По факту лишь несколько опрошенных нами респондентов (одна из которых переехала в Беларусь в конце 2024 г.) заявили о том, что свободно владеют башкирским языком. Это значит, что у значительной части башкир диаспоры понятие «родной язык» или «этнический язык» не равно понятию «язык своей национальности», но в переписи населения эти нюансы уже не учтены. Такой способ идентификации имеет место у тех башкир, которые окончили школу на татарском языке и в семье родителей (нередко и в своей семье) общались между собой на татарском языке. Им по восприятию ближе оказался татарский, а не башкирский язык. Знакомство с историографией вопроса по данной проблеме дает основание предположить, что отрицательные психологические характеристики у отдельных респондентов связаны не только с восприятием языка своей национальности (башкирского) как более низкого по статусности, но и с другими причинами.

Согласно выводам этносоциологов, данная тенденция в целом характерна как для башкир Башкортостана, так и для прилегающих к нему регионов. Исследователи отмечают, что «значительная часть городских башкир (в отличие от татар) зачастую не является носителями родного языка, что автоматически выводит их за границы «этнического поля» (Буранчин 2019). Изучение ими роли языка и его влияния на языковые формы духовной жизни народа показало, с одной стороны, его решающее значение в этих вопросах, а с другой — выявило «понижение значимости языка в структуре этнической идентичности с компенсирующим усилением интегрирующей функции других компонентов этнического самосознания» (Тузбеков 2008). Здесь кроется одна из причин двойственной этнической идентичности, характерной для башкир отдельных регионов, в том числе сохраняющейся у башкир диаспоры.

По проблеме «амбивалентной» («двойственной») или «пограничной» этнической идентичности, свойственной части населения северо-западных и западных регионов Башкортостана, опубликовано немало работ. По отношению к ним в научной литературе употребляется понятие «*татароязычные башкиры*». Как оказалось, сформировавшаяся в западных и северо-западных районах региона Башкортостана этноязыковая ситуация имеет довольно длительную историю. Впервые категория татароязычных башкир была выявлена во Всесоюзной переписи 1926 г. (см.: Горенбург 2004: 65–93). Что касается этнической идентичности современных башкир и татар, населяющих северо-запад Башкирии и Пермскую область, то, по мнению ряда исследователей, их этническое самосознание «представляется явлением сложным, не завершенным. По своей структуре его можно квалифицировать как двойственное и многоуровневое. Двойственность этнического самосознания заключается в осознании принадлежности как татарскому, так и башкирскому этносу» (Трофимова, Черных 2014: 79–82).

Выявление корней данного явления не входит в нашу задачу, но представляется важным проследить тенденцию, повлиявшую на способ идентификации опрошенных нами респондентов, многие из которых родом из сложных в этноязыковом отношении районов Башкортостана. Судя по публикациям татарских и башкирских ученых, указанная проблема и в настоящее время остается предметом острых дискуссий в этих республиках. Мы со своей стороны предлагаем квалифицировать подобный способ этноязыковой идентификации как «*совмещенный*», поскольку сами

респонденты двойственности или маргинальности в своем состоянии не чувствуют. Для них это исторически сложившаяся картина и естественное состояние.

Ученые отмечают, что «тесное соседство, многовековые связи, этногенетическое и конфессиональное единство не могли не наложить отпечаток на культуру башкир и татар в данном регионе, создавая компоненты общности. Они очевидны в материальной и духовной культуре обоих народов» (Высочил 2003: 147). Это обстоятельство, по их мнению, делает невозможным проведение четких этнокультурных границ между татарами и башкирами. «Высокая частота межнациональных башкирско-татарских браков нередко вообще снимает вопрос об этнической принадлежности, который в глазах населения приобретает сугубо ретроспективно-историческое значение» (Высочил 2003: 148).

В связи с остротой данного вопроса приведем и точку зрения американского этнополитолога российского происхождения Д. П. Горенбурга, высказанную им относительно этнической идентичности татароязычных башкир. На основании анализа данных переписей населения за различные периоды XX в., он заключает, что в 70–80-е гг. смена 3/4 татароязычных башкир своей национальности на татарскую происходила по причине их желания «отождествить себя с родным им татарским языком...». По его мнению, «смены этничности стали возможны отчасти и потому, что этнокультурные различия между татарами и башкирами были незначительными» (Горенбург 2004: 65–93).

В период 90-х — начала 2000 гг. этноязыковая идентичность населения северо-западных и западных регионов Башкортостана сохраняла свою «подвижность»: «Перепись 2002 г. показала сильные расхождения в этнической и языковой идентичности населения, особенно среди титульного народа — башкир» (Фатхутдинова 2011).

Причины такого способа этноязыковой идентификации анализировались как башкирскими, так и татарскими учеными. И те, и другие приводят собственные аргументы. Одни исследователи идентифицируют язык западных башкир как башкирский диалект, похожий на татарский язык, а в вопросе двойственной самоидентификации призывают учитывать результаты имевшей место в 70–80-е гг. прошлого столетия «целенаправленной ассимиляционной политики по отношению к башкирам» (Асылгужин 2010). Другие исследователи приводят иные сведения, согласно которым «с конца 1970-х — начала 1980-х гг. проводилась такая языковая политика, при которой практически с 1978/79 учебного года начался процесс административного введения в западных и северо-западных районах республики с татароязычным населением обучения на башкирском языке вместо татарского» (Фатхутдинова 2011).

По предположению ученых, то, что подавляющее большинство башкир северо-западной части Башкортостана «считают своим родным татарский язык, сказывается на двойственности их этнической идентичности. <...> Сказывается культурная и конфессиональная близость татарского и башкирского этносов, что приводит к размыванию этнических границ между этими народами» (Высочил 2003: 108–109). Отмечается также, что такого рода тенденции имеют место и у татар данного региона, но у респондентов-башкир они «более выражены, чем у татар» (Высочил 2003: 105). В столь непростой ситуации башкирские ученые обращают внимание на то, что «язык, хотя и является важнейшей частью бытия того или иного народа, тем не менее, не может выступать главным и тем более единственным маркером этнической идентичности» (Асылгужин 2010).

Несомненно, что обозначенная проблема уходит вглубь истории этих народов и является частью этнополитики. Ответы опрошенных нами респондентов отражают процессы, происходившие в свое время на территории Башкортостана. Поэтому при анализе результатов опроса необходимо учитывать не только регион проживания представителей башкирской общности, но и ряд других факторов: язык обучения в школе; годы, когда они выехали из родных мест; этническую историю семьи их родителей и др. Из их ответов следует, что в некоторых регионах республики преподаванию башкирского языка долгое время не уделялось должного значения.

«У меня культура татарская, и наш Кушнаренковский район ближе к Татарстану. В наше время, когда мы росли, в Уфе на улице никогда не слышали башкирский язык. Все башкиры жили в южных районах Башкортостана. Когда Союз распался, башкирам стали давать больше возможностей поступать в вузы, подтянули башкир из Челябинской и Оренбургской областей. И так в Уфу подтянули больше башкир» (ПМА: А.Г.А., г. Минск).

«У меня родной язык башкирский. В школе я училась на башкирском языке. И в семье между собой, и с детьми мы разговариваем на башкирском. В гимназии (в Башкортостане — *Е. К.*) я преподавала свой предмет на башкирском языке. <...> Раньше с башкирским языком было совсем плохо. В последнее время его стали изучать в школах, но во многих школах все равно не изучают» (ПМА: Е.Г.Х., г. Минск).

Основная часть опрошенных нами респондентов с «совмещенной» идентичностью уехала из родных мест в 60–70-е гг. XX в. Языком обучения в школе у них был татарский, который воспринимается ими не только как более статусный, а как родной. Эти факторы оказали влияние на используемый ими способ этноязыковой идентификации. Судя по высказываниям респондентов и публикациям башкирских исследователей, протекающие в Башкортостане в последние десятилетия процессы способствовали мобилизации этнической идентичности и приданию значимости башкирского языка.

Для респондентов-башкир, живущих за пределами этнической родины, родным языком в первую очередь является русский. Башкирка, переселившаяся в 2011 г. из Узбекистана в Гродно (у которой родители родом из Башкортостана), родным языком назвала русский, а татарский язык, использовавшийся в их семье, идентифицировала как «язык моих родителей».

«Татарский — это язык моих родителей, он для меня много значит: это Габдулла Тукай, Муса Джалиль, а также сказки — их я читала на языке оригинала. Но как родной я его, к сожалению, не воспринимаю. Башкирский язык я плохо знаю. Такая запутанность — это беда всех людей, хотя может это счастье всех людей, которые родились в такой стране как Советский Союз. Тогда было свободное перемещение по республикам» (ПМА: Г.Ф.Б., г. Гродно).

Отметим, что у данного респондента этническая идентичность не вполне четкая, в отличие от религиозной (соблюдает нормы ислама, носит хиджаб). Что касается национальных блюд и др., то, по ее словам, татарская и узбекская культура ей значительно ближе.

Восприятие представителями диаспоры дистанции между башкирским и татарским языками

В ходе опроса как башкиры, так и татары говорили о том, что между башкирским и татарским языками имеются некоторые различия, которые они сводили, главным образом, к фонетике (частично к лексике). Конкретизируя данный вопрос, они приводили следующие примеры (за точную передачу звуков на русском языке автор не ручается):

«Мы [башкиры] говорим «хез» (*hez*), а они «сез», то есть мы используем **-х**, а они **-с**. Например: башкиры говорят «хют» (*hət*) — молоко, а они (татары — Е. К.) говорят «сют» (*sət*) (ПМА: А.З.И., г. Молодечно).

«Татарский язык более звучный, у нас [башкир] глухие звуки — арабское **-х**, у них такого нет. И у нас **-з** глухой» (ПМА: Е.Г.Х., г. Минск).

Те башкиры, которые назвали своим родным языком татарский, объясняли сложившееся положение и присущий им способ идентификации языком обучения в школе, употреблением его при общении с членами семьи, регионом их проживания на родине и не особо значимыми различиями между татарским и башкирским языками.

«У нас в Башкирии живет больше 1 миллиона татар. Где компактное проживание татар, там есть и татарские школы. А в Уфе даже есть татарский театр. В школе я училась на татарском языке. Для меня родной язык — татарский. Башкирский я знаю, но так как я его не учила в школе, то для меня он сложнее. Там есть три дополнительные буквы: **-з**, **-с**, **-к**. Их произношение очень сильно отличается от татарского. И когда башкиры очень быстро разговаривают, то их я иногда даже не понимаю. Они разговаривают на кончике языка, и башкирский язык быстро певучий, а татарский как бы отрезанный, четче. В семье моих родителей мы разговаривали на татарском. Тот район, где я росла, он татарский — Кушнаренковский район, там проживает более 80% татар» (ПМА: Л.Э.А., г. Минск).

О том, что эти два языка очень близкие и можно понять друг друга без особых усилий, говорили все респонденты. Они отмечали, что знают башкирский язык и точно смогут определить, на каком языке человек разговаривает. По их убеждению, степень различий между башкирским и татарским языками такая же, как и между украинским и белорусским языками.

«Родной язык у меня башкирский. Я им владею, но не в такой степени как русским. Я говорю на деревенском башкирском языке. У меня челябинский говор (не уфимский и не казанский). Когда мне звонит дядя, мы с ним разговариваем на башкирском языке. <...> Отличие между башкирским и татарским языками¹ как между белорусским и украинским» (ПМА: А.З.И., г. Молодечно).

«Языки схожи, только произношение нескольких букв различается². Они — башкиры употребляют **-з**, а у нас в татарском этого нет. В то время, когда мы

¹ Приводимые в работе отношение к башкирскому языку, а также сведения о различиях между башкирским и татарским языками и др. отражают мнение многих опрошенных нами респондентов.

² При цитировании фрагментов интервью, в которых отмечаются языковые особенности между башкирским и татарским языками, автор приводит их в соответствии со спецификой разговорной речи респондентов, их восприятием этих различий и воспроизведением ими звуков при разговоре.

учились, у нас начальная школа была на татарском языке, потом на русском, и мы изучали татарскую литературу и язык. Башкирского языка мы в школе почему-то не изучали. Семья моих родителей жила в северном районе Башкирии (мой муж из юго-восточного региона Башкирии) и раз мы там жили, то нас записали башкирами, но в школе мы изучали почему-то татарский язык. <...> Население села, где я жила, пишутся башкирами, а говорят на татарском языке. Видимо еще в 20–30-х годах была такая политика. <...> Теперь там уже этого нет. Теперь там изучают башкирский язык. Это уже теперь, когда в школах изучают башкирский язык, дети его знают, могут на нем говорить, и на русском они разговаривают» (ПМА: г. Гродно).

«Если честно, то я между ними [татарским и башкирским] различий не делаю. Там [в Башкортостане] нет отдельно татарской и башкирской среды, там все перемешано, все вместе общались. Между языками есть некоторые различия в некоторых звуках, в произношении и некоторых словах. А так на бытовом уровне никто различий не делал, кто татарин, кто башкир. <...> Если спросите у сотрудника академии наук Башкирии, то он Вам перечислит много отличий и будет на 100% прав, потому что он этим много лет занимается. На бытовом, человеческом уровне сколько живу, я никогда не видел различий, и это мое субъективное мнение. Никаких различий кроме отдельных особенностей в произношении некоторых слов нет. Например, по-татарски «ты» — *син* (первая -с), а по-башкирски — *хин* (*hin*), то есть первая -х. Это отличает башкирский от татарского на бытовом уровне. Кто-то говорит, что у башкир более мягкое произношение, а кто-то, наоборот, считает, что оно более жесткое. При этом татары и башкиры хорошо друг друга понимают и при общении каждый может разговаривать на своем языке. И все будут понимать друг друга. Я считаю, что нельзя противопоставлять...» (ПМА: Т.А.Г., г. Минск).

Опрошенные нами респонденты как башкиры, так и татары характеризовали имеющиеся между двумя языками различия как незначительные и не препятствующие общению. Этнонациональные особенности, согласно результатом опроса, более выражены в национальной одежде и танцах.

«Между татарами и башкирами разница чувствуется немного в языке. Это как между белорусским и украинским: когда разговаривают, то все понятно. Разница есть в национальных костюмах и в некоторых национальных традициях...» (ПМА: З.Р.Х., г. Минск).

«Пошла здесь на репетиции в общество „Чишма” и нашла там башкирок. Пели песни и на татарском, и на башкирском. На башкирском песни другие, но языки похожие. Только несколько звуков различаются, а так отличий почти нет. Прекрасно друг друга понимаем. <...> У нас сноха татарка. Мы уже все породнились. Мы понимаем друг друга. Я читала татарский журнал и все понимала» (ПМА: Е.Г.Х., г. Минск).

Одной из принятых форм коммуникации между башкирами и татарами диаспоры является татаро-башкирское двуязычие. Каждый говорит на своем языке, что не создает сложностей в общении и не обижает их.

«Здесь я на башкирском говорю со своими татарами. Я говорю на башкирском, а они со мной на татарском. Отличие между этими языками как между белорусским и украинским» (ПМА: А.З.И., г. Молодечно).

Несмотря на языковую близость, тем не менее все респонденты четко отличали башкирский язык от татарского.

«Со мной рядом живет Гульсина (татарка — Е. К.) и я с ней общаюсь. Правда, она разговаривает на татарском. <...> Я татарский язык понимаю, но отвечаю им на башкирском. И они меня понимают. Татарский и башкирский — это близкие языки. Мы друг друга прекрасно понимаем» (ПМА: Р.З.Г., г. Минск).

«В принципе татарский и башкирский языки — очень родственные, между ними разница даже не такая как между белорусским и украинским. У них что-то разнится, но мы все можем понять. Мы поем песни и на татарском, и на башкирском языке» (ПМА: г. Минск).

«Мы [в „Чишме”] поем и на татарском, и на башкирском. Там нужно иногда менять только звуки и окончания, а слова те же. Так, у нас нет -ч, мы говорим -щ, а у башкир язык между зубами — -с¹. Но, конечно, башкиры сразу чувствуют по-башкирски мы поем или по-татарски. “Шэл бейлэдем / шэл бэйлэнем” поем и на татарском, и на башкирском языке» (ПМА: И.В.А., г. Минск).

Как можно видеть из ответов респондентов, башкирский и татарский языки воспринимаются ими как понятный и своего рода общий язык. Он рассматривается ими как основа этногенетической общности и как духовная ценность, как способ определения Своих. С учетом языковой и культурной близости башкиры в категорию Свои включают тюркоязычных татар, но не «белорусских татар», утративших родной язык (ПМА).

Родной язык у второго поколения башкир

Почти все опрошенные нами респонденты — уроженцы Башкортостана и соседних с ним регионов свободно владеют родным языком (у каждого из них он свой — башкирский или татарский) и русским. В подавляющем большинстве они — выходцы из сел. Представители первого поколения диаспоры являются носителями своей этнической культуры и языка. Родной язык используется ими при общении с родными оттуда, реже с соотечественниками или во время встреч в обществе.

Для первого поколения представителей диаспоры родной язык и национальные традиции — это неотъемлемая составляющая этнической идентичности. Для них язык — это духовная ценность и средство трансляции в условиях диаспоры башкирской и татарской культур, оригинального фольклора.

«Если сохраняется язык, то сохраняется и нация, потому что через язык, через поколения передаются все эти наши традиции, в том числе нравственные и культурные. Язык носитель духовных, нравственных и культурных ценностей. Исчезнет язык, исчезнет нация. А все остальное — это общечеловеческие ценности» (ПМА: Т.А.Г., г. Минск).

Председатель гродненского татаро-башкирского общества «Дуслык» З. Салыхова в интервью журналистам сказала, что в городской библиотеке № 2, где общество часто проводит свои встречи, есть книги на татарском и башкирском языках, кото-

¹ По уточнению носителя языка, филолога, эти особенности правильнее будет отразить следующим образом: в башкирском языке буква «ч» немного шипящая; если татары говорят — щ, то у башкир язык между зубами — с.

рые им нравится читать. Иногда члены общества общаются между собой на родном языке. Что касается детей и внуков, то они «в основном не знают язык» (Чем на фестивале удивит татаро-башкирское общество 2014).

То есть первое поколение переселенцев являются носителями своего этнического языка и фольклора, но ввиду отсутствия языковой среды и утраты его функциональной значимости через них не осуществляется процесс трансляции на последующие поколения как языка, так и этничности. В качестве одного из частых объяснений нежелания родителей учить детей родному языку следующее: «Мы не хотели, чтобы они путались в языках».

«С мужем мы дома общаемся на татарском (семья башкирская моноэтническая — *Е. К.*). Дети ни татарского, ни башкирского не знают. Когда они жили вместе с нами, то немного понимали татарский. Они понимали то, что им нужно. Мы их не хотели путать, когда они учились в школе» (ПМА: А.К.А., г. Гродно).

Из ответов остальных респондентов следует, что их дети — представители второго поколения диаспоры этническим языком практически не владеют. Кто-то из них, а иногда и представители третьего поколения в той или иной степени проявляют к нему интерес, запоминают некоторые слова, учат песни, стихи. Однако отсутствие языковой практики не может не сказываться на сохранности у них этнического языка или языка одного из родителей.

«Моя дочь какие-то вопросы время от времени мне задает и начинает учить отдельные слова, интересуется» (ПМА: А.З.И., г. Молодечно).

«Мой сын влюблен в Башкирию. С детских лет он все время ездил туда, у него там двоюродные и троюродные братья. Сын татарский понимает, мы его с детства возили к дедушкам и бабушкам в Татарстан и Башкирию. Он поет песни на татарском языке. В семье (смешанный брак — *Е. К.*) мы татарский язык не используем. <...> А моя внучка читает стихи на башкирском языке. Стихам ее учила бабушка-башкирка. И вот это произношение у нее сохраняется. Ей уже 15 лет. Она абсолютно не стесняется. И в классе все знают, что она татарка, что отец имеет отношение к татарской диаспоре, что ее отец — татарин» (ПМА: Т.А.Г., г. Минск).

«Дети татарский язык понимают, а если приезжают в деревню [в Башкирию], то на нем разговаривают, никуда не денутся. Там в деревне все разговаривают на татарском. Раньше я летом ездила на три месяца в деревню, и там они усваивали свой язык. Сейчас дочери живут в Уфе. На работе они на нем общаются, так как некоторые люди разговаривают там на татарском или башкирском языке. Поэтому они и его уже понимают и могут вести небольшой диалог» (ПМА: Л.Э.А., г. Минск).

Для второго поколения башкир Беларуси родным языком является русский, реже — белорусский. В советский период, пока поддерживались тесные контакты с родственниками, то этнический язык в той или иной степени выполнял функцию вынужденного общения, то есть был у них на слуху. По словам родителей, какие-то бытовые фразы на башкирском (или татарском) языке они могут понять, поскольку у них был опыт общения с бабушками и дедушками. Но когда они, будучи уже взрос-

лыми, оказываются на своей этнической родине или переезжают туда жить, то им приходится непросто и требуется немало времени на адаптацию.

Язык как способ идентификации «Свой» — «Другой»

Башкиры диаспоры консолидируются с татарами на основе общности языка, религии, исторического прошлого, близкой социальной и культурной дистанции, а также страны или региона происхождения (надэтнической общности), то есть на основе татаро-башкирской этнокультурной идентичности в широком смысле слова (Квилинкова 2025). По выражению А. Т. Бердина, традиция содружества башкир и татар, представляющая собой «этносоциальный симбиоз», является «структурной частью их общей исторической памяти, а также действующей составляющей национальной “высокой” и повседневной культуры» (Бердин 2015).

Содержание понятия «Свой» у башкир Беларуси тесно связано с языковой и этнокультурной идентичностью. Татар (тюркоязычных) они считают Своими.

«Сколько башкир в обществе [«Чишма»] даже не знаю. Мы татар и башкир не разделяем. Знаю, что те, кто из моего Балтачегго — они башкиры. А так никто не отделяется. Татары и башкиры вместе. Мы все оттуда. Мы не делимся» (ПМА: С.З.С., г. Гродно).

«В обществе мы не делим друг друга на татар и башкир. Мы все вместе» (ПМА: А.К.А., г. Гродно).

«У нас [в витебском отделении МОО «ТБКН «Чишма»] я татар и башкир как-то не выделяю. В Минске в „Чишма” они есть, да и то наполовину. А здесь их (башкир — Е. К.) нет. Есть татары, которые из Башкирии. „Чистых” башкир у нас нет. Они здесь как-то не выделяются. Они здесь вживаются, внедряются в татарскую общину, поэтому и называется татарско-башкирская» (ПМА: А.В.Р., г. Витебск).

Понятие Свои нередко сужается до участников общины, с которыми постоянно общаются.

«Свои для меня — это участницы, которые составляют костяк „Чишмы”. Они все приезжие татары и башкиры (из Башкирии и Татарстана)» (ПМА: Я.Т.М., г. Минск).

Башкир и татар диаспоры сближают также общие традиционные нормы и ценности, праздники и обычаи, песни и кухня, благодаря чему они рассматривают друг друга как Свои. Одним из наиболее затруднительных как для респондентов-башкир, так и татар был вопрос о их этноотличительных признаках, особенностях традиционной культуры и черт характера. Все они подчеркивали, что не следует отделять башкир от татар ввиду их значительной культурной близости и генетической перемешанности.

«Я считаю, что нельзя противопоставлять татар и башкир что в языке, что в традициях или пище, а традиции наши основаны на исламе. Ну как можно разделять татар и башкир. Есть какие-то исследования, что башкиры больше относятся к финно-угорской группе. <...> Как мне представляется, если капаться в родословной каждого народа, то все равно мы дойдем до Африки, откуда пошли нынешние цивилизации. Кто бы и что бы не говорил, но на

бытовом уровне вообще никаких различий нет. Да, некоторые различия есть, но они несущественные. Например, у башкир может быть форма одежды немного другая...» (ПМА: Т.А.Г., г. Минск).

«У многих татар в роду есть башкиры. У меня дедушка — башкир. Мы настолько слились с башкирами — какая разница. У нас один язык, одна культура» (ПМА: И.В.А., г. Минск).

Общение на родном языке объединяет не только разные поколения родственников, но и всех представителей единого региона — этнорегиональной общности, кто использует этот язык или кому он близок.

«Близость отражается в языке: кто там вырос, они владеют языком, слышат его, передают те же интонации. Тут важен такой момент, что люди начинают говорить между собой на своем языке, есть звуковая вибрация голоса, возникает родственное ощущение. Восточные люди к друг другу тянутся, они собираются в кучу, несмотря на то что они не родственники друг другу. <...> Те же татары, которые приехали сюда (белорусские — Е. К.), у них вера более глубокая, они держат семейственность, такая миссия» (ПМА: А.З.И., г. Молодечно).

Через язык и фольклор передаются понятные для всех представителей данной этнорегиональной общности знаки и символы. Татары и башкиры диаспоры свободно понимают друг друга. Это их глубинно объединяет и создает ощущение родства. Язык оказывает опосредованное влияние и на форму общения между ними — более близкая и доверительная.

Заключение

В результате проведенного нами этносоциологического исследования было выявлено, что башкиры и татары диаспоры тесно взаимодействуют в рамках татаро-башкирского общественного объединения «Чишма» и общества «Дуслык», не дифференцируясь по этническому признаку. По мнению респондентов, имеющиеся различия между этими двумя этническими группами являются несущественными и незначимыми, в том числе в языке. Тюркоязычных татар башкиры включают в категорию Свои, в то время как восприятие ими местных («белорусских») татар, утративших тюркский язык, значительно более отдаленное. Аналогичным образом татар и башкир воспринимают белорусские татары, которые не входят в татаро-башкирские общественные объединения. Это говорит о значимости языка как этнического и этнокультурного идентификатора.

В ходе исследования были выявлены особенности этноязыковой идентификации, характерные для части первого поколения башкир Беларуси (выехавших со своей родины в 60–70 гг. XX в.). В этническом плане они четко идентифицируют себя как башкиры, но при этом своим родным языком считают татарский. Такая форма этноязыковой идентификации, зафиксированная нами у башкир Беларуси, в известной степени отражает состояние проблемы на их родине в тот период. Очевидно, что она сохраняет свою остроту и является частью этнополитики.

Проведенный нами опрос показал, что первое поколение башкир Беларуси сохраняет свой родной язык, относясь к нему как к этнической традиции и духовному наследию. Ввиду того что у подавляющей части башкир диаспоры смешанные браки, стремительно идет процесс ассимиляции. Второе поколение этническим языком не

владеет. Практика показывает, что с утратой этнического языка размывается этническая идентичность.

Источники и материалы

- Зенько 2024 — Зенько С. Единственная башкирка в Молодечно Залия Азарова: «Мужчины обращают на меня внимание как на экзотику, а я просто всего лишь шаманка» // Kray.by [электронный ресурс]. 05.06.2024. <https://kraj.by/news/popkorn/edinstvennaja-bashkirka-v-molodechno-zalija-azarova-muzhchiny-obraschajut-na-menja-vnimanie-kak-na-ekzotiku-a-ja-prosto-vsego-lish-shamanka> (дата обращения: 16.11.2024).
- ПМА 2021–2025 — Квилинкова Е. Н. Полевые материалы автора по теме исследования: татары и башкиры Беларуси 2021–2025.
- Общая численность населения 2020 — Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь. Статистический бюллетень // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [электронный ресурс]. Минск, 2020. С. 32–40. https://bobrlen.gov.by/data/_quarantine/doc-bobr-by41.pdf (дата обращения: 10.11.2023).
- Тугамбекова 2019 — Тугамбекова Д. Казахстанские башкиры съехались в столицу отметить древний праздник «Йыйын» // assembly.kz [электронный ресурс]. 19.08.2019. https://el.kz/ru/kazakhstanskie-bashkiry-sekhalis-v-stolitsu-otmetit-drevnij-prazdnik-yyyyn_37141/ (дата обращения: 22.02.2025).

Научная литература

- Асылгужин Р. Р. Этническая идентичность западных башкир. Уфа: Хан, 2010. 182 с.
- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитарный университет, 2001. 315 с. <http://library.navoiy-uni.uz/files/социоллингвистика%20беликовв.,%20крысинь%20л..pdf>
- Бердин А. Т. Башкиро-татарский этносоциальный симбиоз с точки зрения историософии // Вестник Башкирского университета. 2015. Том 12. № 2. 1–5 с. <https://cyberleninka.ru/article/n/bashkiro-tatarskiy-etnosotsialnyy-simbioz-s-tochki-zreniya-istoriosofii>
- Буранин А. М. Этническая идентичность современных башкир: состояние, проблемы, перспективы развития // Центр Льва Гумилева [электронный ресурс]. 4.06.2019. <https://www.gumilev-center.ru/ehnicheskaya-identichnost-sovremennykh-bashkir-sostoyanie-problemy-perspektivy-razvitiya/>
- Высочил А. А. Кросс-культурное исследование взаимосвязи этнической идентичности и этнической толерантности в северо-западной части Башкирии // Психологические исследования этнической толерантности / Н. М. Лебедева, В. Ю. Хотинец, А. А. Высочил, Ю. А. Гаюрова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 88–148. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/40868>
- Горенбург Д. П. Татары — башкиры — снова татары: изменения этнической идентичности в Башкортостане // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 65–93. <https://cyberleninka.ru/article/n/tatary-bashkiry-snova-tatary-izmeneniya-etnicheskoy-identichnosti-v-bashkortostane>
- Квилинкова Е. Н. Гагаузы в Молдове и Беларуси: грани идентичности и стратегия самосохранения. Минск: Беларуская навука, 2023. 383 с.
- Квилинкова Е. Н. Молдаване Беларуси: этнокультурная идентичность и интеграция. Минск: Беларуская навука, 2024. 614 с.
- Квилинкова Е. Н. Религиозная идентичность и формы ее проявления у башкир Беларуси // Весті НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2025. Т. 70. № 4. С. 296–307.
- Квилинкова Е. Н., Сакович В. А. Белорусы в Молдове и Молдова в белорусах. Серия «Мир глазами этнолога» / научн. ред. серии А. В. Гурко. Минск: Беларуская навука, 2021. 454 с.
- Трофимова Р. И., Черных А. В. Этническая идентичность Тулвинских башкир и татар на

современном этапе этнокультурного развития // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. С. 79–82. <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-tulvinskih-bashkir-i-tatar-na-sovremennom-etape-etnokulturnogo-razvitiya>

Тузбеков А. И. Этнокультурные традиции и функционирование этничности башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей на современном этапе / Автореф. дисс. ... канд. истор. наук, 2008. <https://www.dissercat.com/content/etnokulturnye-traditsii-i-funktsionirovanie-etnichnosti-bashkir-orenburgskoi-chelyabinskoi-i>

Фатхутдинова А. И. Этноязыковое развитие Республики Башкортостан: 1979–2010 гг. / Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук. Казань, 2011. 26 с.

Фатхутдинова А. И., Сафина Э. Ф. Языковой фактор в этнической социализации молодежи в полинациональном регионе (по данным этносоциологических исследований в республике Башкортостан) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1. С. 282–287. <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-faktor-v-etnicheskoy-sotsializatsii-molodezhi-v-polinatsionalnom-regione-po-dannym-etnosotsiologicheskikh-issledovaniy-v>

References

Asylguzhin, R. R. 2010. *Etnicheskaiia identichnost' zapadnykh bashkir* [Ethnic Identity of Western Bashkirs]. Ufa: Khan. 182 p. <https://www.gumilev-center.ru/etnicheskaya-identichnost-zapadnykh-bashkir/>

Belikov, V. I., and L. P. Krysin. 2001. *Sotsiolingvistika: Uchebnik dlya vuzov* [Sociolinguistics: Textbook for Universities]. Moscow: Rossiyskii gosudarstvenii gumanitarnii universitet. 315 p. <http://library.navoiy-uni.uz/files/социолИНГВИСТИКА%20БЕЛИКОВ.,%20КРЫСИН%20Л..pdf>

Berdin, A. T. 2015. Bashkiro-tatarskii etnosotsial'nyi simbioz s tochki zreniia istoriosofii [Bashkir-Tatar Ethnosocial Symbiosis from the Point of View of Historiosophy]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* 12(2): 1–5. <https://cyberleninka.ru/article/n/bashkiro-tatarskiy-etnosotsialnyy-simbioz-s-tochki-zreniya-istoriosofii>

Fatkhutdinova, A. I. 2011. *Etnoiazykovoie razvitie Respubliki Bashkortostan: 1979–2010 gg.* [Ethnolinguistic Development of the Republic of Bashkortostan: 1979–2010]. Ph.D. diss. abstract, Kazan'. 26 p.

Fatkhutdinova, A. I., and E. F. Safina. 2011. Yazykovoi faktor v etnicheskoi sotsializatsii molodezhi v polinatsional'nom regione (po dannym etnosotsiologicheskikh issledovaniy v Respublike Bashkortostan) [Language Factor in Youth Ethnic Socialization in a Multinational Region (Based on Ethnological Study in Bashkortostan)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1: 282–287.

Gorenburg, D. P. 2004. Tatory — bashkiry — snova tatory: izmeneniia etnicheskoi identichnosti v Bashkortostane [Tatars — Bashkirs — Again Tatars: Changes in Ethnic Identity in Bashkortostan]. *Vestnik Evrazii* 1: 65–93.

Kvilinkova, E. N. 2023. *Gagauzy v Moldove i Belarusi: grani identichnosti i strategii samokhraneniia* [Gagauz in Moldova and Belarus: Facets of Identity and Self-Preservation Strategy]. Minsk: Belaruskaya navuka. 383 p.

Kvilinkova, E. N. 2024. *Moldavane Belarusi: etnokul'turnaia identichnost' i integratsiia* [Moldovans in Belarus: Ethnocultural Identity and Integration]. Minsk: Belaruskaiia navuka. 614 p.

Kvilinkova, E. N. 2025. Religious Identity and Its Manifestations among the Bashkirs of Belarus [Religious Identity and Its Manifestations among the Bashkirs of Belarus]. *Vesci NAN Belarusi*. Ser. gumanit. navuk 70(4): 296–307.

Kvilinkova, E. N., and V. A. Sakovich. 2021. *Belorusy v Moldove i Moldova v belorusakh* [Belarusians in Moldova and Moldova in Belarusians]. Seriiia «Mir glazami etnologa». Minsk: Belaruskaiia navuka. 454 p.

Trofimova, R. I., and A. V. Chernykh. 2014. *Etnicheskaiia identichnost' Tulvinskih bashkir i tatar na sovreemnom etape etnokul'turnogo razvitiia* [Ethnic Identity of the Tulvin Bashkirs

and Tatars at the Present Stage of Ethnocultural Development]. *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*: 79–82.

Tuzbekov, A. I. 2008. *Etnokul'turnye traditsii i funktsionirovanie etnichnosti bashkir Orenburgskoi, Cheliabinskoi i Kurghanskoi oblastei na sovremennom etape* [Ethnocultural Traditions and Functioning of Ethnicity Among Bashkirs of Orenburg, Chelyabinsk, and Kurgan Regions at Present Time]. Ph.D. diss., Moscow. 240 p.

Vyskochil, A. A. 2003. Kross-kul'turnoe issledovanie vzaimosvyazi etnicheskoi identichnosti i etnicheskoi tolerantnosti v severo-zapadnoi chasti Bashkirii [Cross-Cultural Study of the Relationship Between Ethnic Identity and Ethnic Tolerance in the North-Western Part of Bashkiria]. In *Psikhologicheskie issledovaniia etnicheskoi tolerantnosti* [Psychological Studies of Ethnic Tolerance], ed. by N. M. Lebedeva, V. Yu. Khotinets, A. A. Vyskochil, Yu. A. Gayurova. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. P. 88–148. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/40868>